

М.Ч. ЛАРИОНОВА, А.Я.А. АББАСХИЛМИ
(Ростов-на-Дону)

А.П. ЧЕХОВ ГЛАЗАМИ ИРАКСКИХ КРИТИКОВ

Рассматриваются работы иракских критиков об А.П. Чехове. Характеризуются черты личности и творчества писателя, наиболее близкие иракскому общественному сознанию.

Ключевые слова: Чехов, иракская критика, гуманизм, социальная проблематика.

Иракская критика обратилась к творчеству А.П. Чехова в середине XX в. К этому времени уже получила широкую известность изданная в Египте книга Наджати Сидки «Чехов», на арабский язык были переведены многие чеховские рассказы, повести и пьесы. Часто переводчики становились и критиками чеховского творчества, предвывая переводы обширными вступительными статьями. Иракский журнал «Эльтакафа Эльджадида» предпринял выпуск серии книг о великих писателях. Первой стала книга Ш. Хасбака «Антон Чехов», вышедшая в Багдаде в 1954 г. к пятидесятой годовщине со дня смерти русского писателя.

В обширном предисловии Ш. Хасбак подробно рассказал о жизни и творчестве А.П. Чехова, добавив таблицу с главными событиями чеховской биографии и датами выхода его известных произведений. Предисловие во многом следует за Н. Сидки. Сначала говорится о детстве писателя, когда тот страдал от бедности, жестокости отца и ответственности, которая рано легла на его плечи. Это пространное мнение среди арабских критиков, вызванное, видимо, недостатком информации, отсутствием переводов писем А.П. Чехова и воспоминаний о нем, поскольку сам писатель далеко не так однозначно относился к отцу и к своему детству. Затем речь идет о человечности писателя, которую Ш. Хасбак связывает с врачебной деятельностью А.П. Чехова и его поездкой на Сахалин, где писатель изучал жизнь заключенных. Самой сильной стороной чеховского творчества Ш. Хасбак считает правдивость: «Чехов не писал обо всех этих социальных и психологических типах, сидя в кресле и не выходя из дома, как это делают многие наши писатели. Сила его творчества в честности и объективности. Он старался проникать в самую глубину общества и личности, умел обращаться к простым людям, знал, о чем они говорят и думают, тонко понимал их проблемы, обладал способностью замечать самые незначительные детали. Эта глубокая связь с людьми в сочетании с не менее глубоким пониманием жизни и человеческой натуры, юмором и сопереживанием делают творчество Чехова образцом высокой литературы, где нежные чувства соседствуют с самым тонким гуманизмом» [6, с. 8].

Иракских критиков прежде всего привлекали рассказы А.П. Чехова. Они считали его мастером рассказа, учителем молодых иракских писателей. По мнению Ш. Хасбака, А.П. Чехов сделал рассказ средством не развлечения, а отражения жизни и раскрытия секретов человеческой души. Поэтому его рассказы были далеки от «повествовательного шума» [6, с. 8]. Под «шумом» Ш. Хасбак понимает простую развлекательность, занимательность. Рассказы Чехова же – это реальные картины жизни, его герои – это не просто имена, написанные на бумаге, каждый из них – живой человек.

Привлекает Ш. Хасбака и оптимизм А.П. Чехова. При этом критик не различает точку зрения автора и его героев. Ш. Хасбак цитирует Петю Трофимова из пьесы «Вишневый сад»: «Обойти то мелкое и призрачное, что мешает быть свободным и счастливым, – вот цель и смысл нашей жизни. Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали. Вперед! Не отставайте, друзья» [7, с. 227] – и говорит: «Разве можно назвать автора слов о высоких идеалах пессимистом? Мы уверены, что выразители таких высоких ценностей не могут быть пессимистами. Чехов был глубоко убежден в победе человека в этой борьбе с жизненными обстоятельствами. Мы можем смело утверждать, что Чехов был великим оптимистом» [6, с. 19]. Убежденность в непреходящем оптимизме Чехова – свойство всей арабской критики. Однако в художественном мире Чехова все гораздо сложнее. Как писал В.Б. Катаев, авторская позиция А.П. Чехова «не сводится к утверждению собственного, заранее сфор-

мулированного знания о жизни. Но она обязательно предполагает оценку чужих знаний, мнений, “правд”, сопоставление различных “правд”, исследование признаков, условий истины» [3, с. 45].

Важные мысли, связанные с восприятием русской литературы и творчества А.П. Чехова в Ираке сформулировал в рецензии на книгу Ш. Хасбака Мухаммед Шарара. «Дух русской литературы отличается от остальных литератур мира, – пишет М. Шарара. – Главная черта этого духа – свобода от злобы и насилия, гуманизм. В русской литературе нет идей Ницше, у которого между строчек чувствуется зверь. Ницше прославляет силу зверя и борьбу против слабых. Нет в русской литературе и идей Киплинга, которого англичане называют поэтом империи, а мы называем поэтом колониализма. В этике других стран редко найдутся писатели, как Толстой и Пушкин, у которых сердце бьется любовью к человечеству. Яркий пример – тот же Ницше, который сказал, что Достоевский – единственный, кто поведал ему кое-что о человеческой душе. Если всего один из великих русских писателей так повлиял на Ницше, какие же сокровища скрыты в этой литературе и в этих писателях!» [8, с. 144].

Рассуждения М. Шарара далеко выходят за пределы искусства. Говоря о литературе, он говорит о политике – это очень характерно для иракских критиков. Сетую на то, что количество переводов произведений русской литературы ничтожно мало по сравнению с французской или английской, он утверждает: «Нет сомнения, что политика играла важную роль в этом заговоре молчания и старалась скрыть от арабского читателя великую русскую литературу. Заговор молчания стал сильнее после Октябрьской революции, потому что русская литература участвовала в дестабилизации престолов тиранов и уничтожении реакционных крепостей во всем мире. Поэтому реакционные силы боялись влияния русской литературы на дух людей. Эти силы возвели плотину между русской литературой и арабскими читателями. Плотина ослабела только после Второй мировой войны. Стойкость Советского Союза перед средневековыми варварами – бандами Гитлера вновь обратила все взгляды на русскую литературу. Люди захотели узнать, что за литература у такого народа, потому что литература – это зеркало, в котором отражается дух нации. Потом появилась книга Максима Горького “Мать”, и нашему народу открылся новый мир. Другие переводы только усилили жажду знакомства с русской литературой» [8, с. 145].

В книге Ш. Хасбака критика привлекает мысль, что Чехов по характеру близок к бедным, к революции. Чехов хорошо знал жизнь и людей, поэтому так верно отразил их переживания. Ш. Хасбак представил Чехова как любящего оптимиста, глубоко верящего в людей. Эта вера является основой творчества русских писателей и сохраняется даже во время исторических потрясений или поражений. М. Шарара делает вывод, что, несмотря на недостатки перевода, книга Ш. Хасбака остается одним из главных источников, сыгравших роль в восприятии арабами творчества Чехова.

Появление все большего количества переводов и критических статей о творчестве Чехова в Ираке вызвало острый интерес к личности писателя. Не только к фактам его биографии, но и к его внутренней жизни. К сожалению, сами письма Чехова в полном объеме в Ираке так и не переведены, но в 1978 г. журнал «Эльакия» поместил перевод Абдулсаттара Джуада небольшой статьи ирландского политика и писателя Монтгомери Хайда «Письма Чехова», автор которой приводит фрагменты писем и говорит, что Чехов писал очень просто и непосредственно, без обмана и фальши [5, с. 100].

В этом же ряду находится и опубликованная в иракском журнале «Финун» в 1980 г. статья «Антон Чехов с точки зрения Толстого» в переводе Али Эльхилли. К сожалению, автор статьи в журнале не указан. В статье подробно изложены высказывания Толстого о Чехове, рассказано о творческом диалоге русских писателей, о неприятии Толстым чеховской драматургии [1]. Надо сказать, что Толстого очень высоко ценят в Ираке не только как писателя, но и как философа, учителя жизни. Джалиль Камальельдин так охарактеризовал Толстого и Чехова: «Толстой считается одним из семи золотых столбов, на которых держится русская литература XIX в. Эти семь великих – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский и Чехов» [2, с. 227]. Обращение к Толстому характеризует и отношение к Чехову.

В 80-е гг. иракских критиков и читателей особенно интересуют вопросы личной жизни Чехова и его места в русском литературном процессе. Поскольку литературы на эти темы в Ираке было мало,

авторы журнальных публикаций переводят работы зарубежных ученых (например, книгу Анри Труайя «Антон Чехов» или статью Л. Плоткина «К вопросу о Чехове и Тургеневе»), обращаются к мемуарным источникам. Так, в 1986 г. в Ираке печатаются воспоминания Л. Авиловой о Чехове. В предисловии к этим воспоминаниям переводчик Наим Бадауи настаивает на их правдивости, подкрепляя свою уверенность ссылкой на слова И. Бунина об искренности Авиловой. Несмотря на спорность этой точки зрения, публикация воспоминаний говорит о внимании к внутренней жизни Чехова, о его отношениях с начинающими писателями, что особенно важно в Ираке, потому что именно в это время стало очевидным влияние Чехова на иракских литераторов [4].

Книга М. Юниса, вышедшая в 1985 г., – одна из немногих в Ираке, где системно рассмотрены связи русской и арабских литератур. В предисловии к книге автор так сформулировал причины обращения к русской литературе: «Особенности русской литературы XIX в заключаются в том, что в ней отразились яркие интеллектуальные и человеческие типы. Глубина ее содержания определялась общественными проблемами. Секрет гения русской литературы и бессмертия русских писателей в том, что они говорят о русском человеке не только как о русском, но прежде всего как о человеке. И это всегда находит отклик у других народов. Очевидно, что русская литература близка душе арабского читателя, потому что процесс взаимодействия русского и арабского начал идет быстрее, чем арабского и какого-то другого европейского» [9, с. 3]. Причины этого взаимодействия М. Юнис объясняет сходством исторических процессов России и Ирака: социальная отсталость, деспотизм, закрепощение крестьян. Эти процессы в Ираке продолжались до середины XX в.

Главной своей задачей М. Юнис считает разрушение западных буржуазных стереотипов в отношении русской литературы. Это касается и творчества Чехова. Буржуазные критики, говорит М. Юнис, видят в героях Чехова уныние и отчаяние, слабость и ожидание смерти. Это поверхностный взгляд, вызванный неумением читать между строк. А переводы произведений Чехова с иностранных источников определяются социальным положением переводчиков, которые смотрят на Чехова глазами своего класса. Но и сам великий писатель дает возможность увидеть его мир по-своему, так, как его никто не видел. В этом секрет его гения. По мнению М. Юниса, «Чехов – художник прозрачного и нежного слова, точной мысли и сатирического стиля. Он вызывает тихую улыбку на усталых и печальных лицах. Он гуманист, последователь “смеха сквозь слезы” Гоголя» [9, с. 105]. Мотивы отчаяния и тоски в произведениях Чехова М. Юнис объясняет тем, что Чехов верил в счастливое будущее, но не знал, когда оно наступит.

Критик спорит с западными исследователями, утверждающими, что Чехов смеется над своими героями. «Каждая буква, которую написал Чехов, – говорит он, – полна любовью и уважением к человеку» [9, с. 106]. Ирония Чехова, по мнению М. Юниса, направлена не на героев, а на обстоятельства их жизни. Чехов понимал экономическую и социальную отсталость русского общества, хотел это изменить, но не видел пути. Это отразилось на его героях и их пессимизме.

Другая точка зрения, против которой возражает М. Юнис, касается места Чехова в русской литературе. Западные критики утверждают, что гений Чехова меньше гения Достоевского и Толстого, а язык Чехова не так чист, как у Достоевского и Толстого. Это просто лишено логики, замечает иракский критик. Ведь главная особенность стиля Чехова – это способность раскрытия большой темы на одной странице. А воздействие на читателя не меньше, чем Достоевского и Толстого. Весь мир до сих пор читает его произведения и учится по ним жизни [9, с. 106, 112].

В 1990-е гг. иракская чеховиана замедлила свое движение в связи с политическими событиями, экономической блокадой и войной. После распада СССР Россия перестала поддерживать русскую культуру за рубежом, тогда как в настоящее время, с развитием русско-иракских связей, этот пробел постепенно восполняется.

Литература

1. Антон Чехов с точки зрения Толстого // Финун (журнал). Багдад. № 67. Февраль. 1980. С. 54-55.
2. Камальэльдин Дж. Литературоведение. Багдад: Эльмуасаса Эльарабия Лильдирасат Уа Эльнашир, 1985.
3. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979.
4. Лидия Авилова. Чехов в моей жизни // Эльаклям (журнал). Багдад. № 4. Апрель. 1986. С. 40-54.
5. Хайд М. Письма Чехова // Эльаклям (журнал). Багдад. № 5. Февраль. 1978. С. 99-101.
6. Хасбак Ш. Антон Чехов. Багдад: Эльтакафа Эльджадида, 1954.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 13. М.: Наука, 1978.
8. Шарара М. «Антон Чехов» Шакира Хасбака // Эльтакафа Эльджадида (журнал). Багдад. № 1. Апрель. 1954. С. 144-146. [
9. Юнис М. Русская классика и арабская литература. Багдад: Дар Афак Арабия, 1985.

A.P. Chekhov in the eyes of Iraq critics

There are considered the works by Iraq critics concerning A.P. Chekhov. There are described the characteristics of the author's personality and creative work which are the closest to Iraq thinking.

Key words: Chekhov, Iraq criticism, humanism, social problems.